

И. Звавич

Британская имперская конференция

Созыв Британской имперской конференции — верховного совета величайшей империи мира — назначен на 30 сентября с. г. Мировая печать с вниманием и интересом следит за подготовкой конференции. Это и неудивительно, если учесть, что в этом году Британская имперская конференция созывается при исключительных обстоятельствах, придающих ее заседаниям особенное значение.

Впервые имперская конференция созывается лейбористским правительством, которому придется вновь разоблачить себя — во всеимперском масштабе — как правительство британского империализма, угнетающего целые народы и страны и простирающего свою власть на все пять континентов земного шара. Впервые — после почти тридцатилетнего промежутка — в Великобритании вновь серьезно обсуждается проект имперского таможенного союза. Впервые Британская имперская конференция созывается во время жесточайшего экономического кризиса, охватившего не только промышленную Великобританию, но и аграрно-промышленную Канаду, и страны сельского хозяйства и добывающей промышленности — Южную Африку, Австралию, и аграрные страны — Новую Зеландию и Ирландию, и жемчужину Британской империи — Индию, в которой господствует причудливая чересполосица социально-экономических укладов, самое удивительное смешение народов, рас и языков.

I

Мировая война внесла изменения в соотношение сил между доминионами и метрополиями. Во время мировой войны доминионы почувствовали, что метрополия по крайней мере в такой же степени нуждается в их поддержке, как и они в поддержке Великобритании. Великобритания получила со стороны буржуазии доминионов поддержку людьми и материальными ресурсами, не обходясь при этом без затруднений, как то показывает восстание бурских националистов в начале войны, дублинское восстание 1916 г., революция в Ирландии 1919—1921 гг. и волнения в Британской Индии, а также в объявленном британским протекторатом Египте. Ирландия получила статус доминиона, Южная Африка в течение нескольких лет находится под управлением бурского националистического правительства, Египет был провозглашен формально независимым, в Индии проведены реформы, которые должны были «постепенно» подготовить Индию к получению ею статуса доминиона. Как мы видим, Англия пыталась отделаться некоторыми уступками; в тех случаях, когда эти уступки были недостаточны (Индия, Египет), противоречия между британским империализмом и местными интересами не только не потеряли в своей остроте по сравнению с началом двадцатых годов, но еще более обострились.

Во всяком случае и в доминионах, и в Индии, и в Египте, и даже в отдельных колониях появились группировки сил, которые стремятся закрепить достижения третьего периода в истории британской империи в форме определенных политических решений. Статус доминиона получил за послевоенные годы весьма значительное развитие, на котором позволительно будет здесь вкратце остановиться в связи с предстоящей имперской конференцией.

На последней имперской конференции 1926 г. был подведен итог всем тем изменениям, которые произошли в положении доминиона в системе Бри-

танской империи. Постановления конференции 1926 года определяют положение доминионов, как «самоуправляющихся единиц в пределах Британской империи, равных по положению, ни в какой мере не подчиненных друг другу ни в какой области их внутренней или внешней политики, хотя и объединенных общей принадлежностью к британской короне и свободно связавшихся между собою в качестве членов Британской Федерации народов». «Иностранец, который попытался бы понять подлинную природу Британской империи, — загадочно заявляют далее составители отчета имперской конференции 1926 г., — при помощи вышеприведенной формулы, мог бы подумать, что она в состоянии скорее предотвратить взаимное вмешательство, чем облегчить взаимное сотрудничество»... «Полное равенство — вот основной принцип в отношениях между метрополией и доминионами».

Марксист, изучающий конституцию Британской империи, не может удовлетвориться этим формальным равенством в отношениях между Великобританией и доминионами. Мы склонны согласиться с авторами постановлений британской имперской конференции, что доминионы стремились оградить себя от вмешательства метрополии в их внутренние и внешние дела, что им и удалось, но уравнивать свое положение с положением метрополии они в состоянии в такой же малой мере, в какой это могут сделать по отношению к Англии или САСШ Аргентина или Португалия.

Во всяком случае доминионы добились, что британское правительство не вправе вмешиваться в их внутренние дела. Генерал-губернаторы доминионов назначаются короной по указанию «правительства его величества в данном доминионе», т. е. правительства данного доминиона, ответственного перед парламентом и избирателями доминиона. Англия назначает при правительствах доминионов своих дипломатических представителей, а правительства доминионов в свою очередь имеют дипломатических представителей в Англии, носящих титул верховных комиссаров, а не полномочных послов, как представители других независимых государств, от чего существо дела однако не меняется.

Далее доминионы имеют право самостоятельно изменять все свое законодательство, в том числе и собственный основной закон — конституцию. Это право за ними признано, и доминионы фактически отняли у английского тайного совета его прежнее право объявления тех или иных законов, проведенных в данном доминионе, неконституционными, т. е. несогласными с конституцией доминиона, принятой английским парламентом.

Наконец доминионы считаются самостоятельными в вопросах внешней политики. Они имеют право назначать дипломатических представителей в иностранных государствах и заключать от своего имени договоры с иностранными государствами, поскольку договор касается только данного доминиона. Юридически не ясно, в какой мере доминионы могут оставаться формально нейтральными, если Великобритания участвует в войне, однако ирландская конституция сохраняет за ирландским парламентом свободу решения вопроса об участии в войне, за исключением того случая, когда враг находится на территории Южной Ирландии; тогда правительство может принять решение помимо парламента.

Премьер Южно-африканского союза генерал Герцог вполне последовательно ставит ныне вопрос, который подлежит обсуждению на ближайшей имперской конференции, о праве свободного выхода из состава империи. Этот вопрос, указывает генерал Герцог, имеет чисто академическое значение, однако, по мнению Герцога, только решение этого вопроса в положительном смысле может обеспечить истинное равноправие между доминионами и метрополией.

Для нас постановка этого вопроса имеет лишь символическое значение; по тому, что вопрос о праве свободного выхода из состава Британской им-

перии поставлен, мы можем судить о том, насколько усилились центробежные силы в империи. Однако это еще не значит, что метрополия и помимо формальных юридических связей не может диктовать свою волю тому или другому доминиону. Не обязательно, чтобы исполнительным органом британского капитала выступало в данном случае британское правительство; этим органом может оказаться та или иная могущественная капиталистическая группа, например группа банков.

Весьма показателен в данном случае пример Австралии. В Австралии в настоящее время находится у власти лейбористский кабинет Селлина. Еще недавно, в связи с бюджетным законопроектом Селлина, английский канцлер казначейства Сноуден выступил с резкой критикой австралийского протекционистского тарифа, как такового, который ни в коей мере не обеспечивает благоденствия и хозяйственного развития Австралии. Вслед за этим выступлением Сноудена финансовая комиссия, обследовавшая от имени английских кредиторов состояние австралийских финансов (в составе комиссии был крупнейший английский финансист, сэр Отто Нимайер, принимавший участие в разрешении репарационного вопроса, и профессор Грегори, один из наиболее последовательных английских фритредеров), нашла таковое крайне неблагоприятным и предложила сокращение расходов и полную реорганизацию всего финансового хозяйства Австралии. В довершение всего на лондонской бирже были пущены слухи о возможности отказа Австралии платить по своим обязательствам, и без того низкий курс австралийского фунта стерлингов и австралийских ценных бумаг пал еще более, и заместитель Селлина, отправившегося на имперскую конференцию в Лондон, министр финансов Фентон должен был поспешно успокоить лондонских кредиторов, что эти слухи беспочвенны и что австралийское правительство примет во внимание предложения комиссии Нимайера — Грегори. Сноуден являлся в данном случае лишь застрельщиком кампании, которую ведут истинные хозяева Австралии — представители имперского финансового капитала. Пример Австралии показывает, что еще рано говорить о полной беспомощности британского капитализма: «Есть еще порох в пороховницах!».

Говоря об отношениях доминионов с метрополией, мы часто забываем, что метрополия располагает ресурсами огромной империи, которая лежит за пределами доминионов. Если даже скинуть со счетов Индию и Египет, то следует учесть, что Англия располагает громадными территориями в Восточной Африке, Западной Африке, Вест-Индии, Бирме, Малайских штатах Аравии и Месопотамии. Таким образом равенство в отношениях между метрополией и доминионами может быть только формальным, как бы ярко и отчетливо оно ни было декларировано в постановлениях ближайшей имперской конференции. Кроме юристов-международников формальные моменты мало кого беспокоят в Англии.

II

Гораздо более опасными с английской точки зрения являются следующие положения, намечившиеся в течение последних лет:

1. Великобритания с каждым годом все более нуждается в доминионах.
2. Доминионы с каждым годом менее нуждаются в Великобритании.
3. Принадлежность к Британской империи в момент кризиса может стать для отдельных доминионов не статьей их политического актива, а статьей пассива вследствие того, что с каждым годом число слабых и уязвимых пунктов империи растет.

Рассмотрим каждый из этих пунктов в отдельности.

Несколько месяцев тому назад Имперский экономический комитет выпустил меморандум, посвященный торговле Британской империи в 1913 и

1925—1928 гг. В этом меморандуме приведены интересные статистические данные, позволяющие определить значение имперской торговли для Великобритании.

По этим данным обороты внешней торговли стран, составляющих Британскую империю (кроме метрополии), возрастают значительно быстрее, чем торговые обороты Великобритании, экспорт которой, если исходить из довоенных цен, и поныне не достиг еще уровня 1913 г.

	1913 г.	1927 г.	1928 г.
	млн. фунтов стерлингов		
Импортная торговля			
Великобритания	659	1.095	1.075
Страны Британской империи (кроме метрополии)	468	932	979
Экспортная торговля			
Великобритания	525	709	724
Страны Британской империи (кроме метрополии)	491	1.041	1.074
Общие торговые обороты			
Великобритания	1.184	1.804	1.799
Страны Британской империи (кроме метрополии)	959	2.003	2.053

Общие размеры импортной торговли стран Британской империи (кроме метрополии) были в 1913 г. на 30% меньше, чем импортная торговля одной Великобритании, а в 1927/28 г. всего лишь на 9% меньше. В то же время экспортная торговля стран Британской империи (кроме метрополии) была в 1913 г. на 7% ниже, чем обороты экспортной торговли Великобритании, а в 1925—1928 гг. она более, чем на 40%, превышала таковые.

Сопоставляя торговлю доминионов с мировой торговлей в целом, составители отчета имперского экономического комитета приходят к выводу, что импорт доминионов увеличился по крайней мере так же, как и обороты мировой торговли, а экспорт из доминионов возрос вдвое больше, причем особенно усилилась экспортная торговля быстро индустриализирующейся Канады.

В экспортной торговле Великобритании на Британскую империю приходилось в 1913 г. 37,2%, а в 1927—1929 гг. — от 46 до 48%. Небезынтересно отметить при этом, что доля британских колоний в мировой и особенно в имперской торговле значительно увеличилась. Так, если выделить из состава британских владений (кроме метрополии) группу колоний, в отличие от группы доминионов, то доля колоний по отношению ко всей импортной торговле империи (кроме Англии) составит 16% в 1913 г. и около 21% в последние годы. Доля группы колоний в экспортной торговле империи (кроме Англии) составляла 14,5% в 1913 г. и от 18 до 22% в последние годы. В собственном английском экспорте в страны Британской империи доля колоний в отличие от доминионов — Индии и Цейлона, составляла в 1913 г. 14,7%, а в 1928 г. — 20,8%. Особенно значительно увеличилась британская торговля с африканскими колониями (помимо Южно-африканского союза и Египта, формально вышедшей из состава Британской империи).

Однако на основании приведенных цифр нельзя еще вполне уяснить себе, в какой степени изменилось значение Британской империи для Великобритании. Следует учесть также общий кризис внешней торговли Великобритании. В 1929 г. английский экспорт составил 108,3% по отношению к 1924 г. и 82,4% по отношению к 1913 г. В течение первых шести месяцев 1930 г. положение еще более ухудшилось: английский экспорт, исчисленный в ценах 1924 г., составил лишь 93,6% экспорта 1924 г., а исчисленный в до-

военных ценах — 71,2% экспорта 1913 г. Международная конкуренция особенно обострилась под влиянием мирового кризиса.

В этой связи большую опасность представляет конкуренция САСШ. До самого последнего времени конкуренция САСШ была менее опасна для Великобритании, чем теперь, так как, во-первых, САСШ оставались по преимуществу экспортером продовольствия и сырья, теперь же САСШ являются крупнейшим экспортером промышленных изделий и машин; группа фабрик растет не только абсолютно, но и по отношению к общей массе американского вывоза. Во-вторых, емкость американского внутреннего рынка, казавшаяся энтузиастам американской «просперити» беспредельной, ныне исчерпана, и американская промышленность принуждена считаться с экспортом не как с «побочным продуктом», а как с фактором первостепенной важности. В-третьих, рост американского экспорта идет по линии таких товаров (высококачественных изделий и предметов широкого потребления, предназначенных для стран и классов населения, поддерживающих более или менее высокий уровень жизни), в отношении которых Великобритания до последнего времени оставалась монополистом. Наконец, в-четвертых, конкуренция американской промышленности в отношении английских товаров на американском внутреннем рынке получает поддержку в виде нового сверхпротекционистского американского тарифа.

Далее растущую опасность для Англии представляет конкуренция Германии. При помощи американского и английского, в меньшей степени и французского капитала, Германия оборудовала свою промышленность, получила необходимый ей оборотный капитал и проводит техническую рационализацию в масштабах, далеко превышающих масштабы рационализации в самой Англии. Необходимость уплачивать репарационный долг и проценты по займам и кредитам, предоставленным Германии в годы 1924—1929, является стимулом для германского экспорта. Не случайно поэтому, что в первую половину 1930 г. Германия впервые обогнала Великобританию по общим размерам экспорта и выдвинулась на второе место (после САСШ) в мировой экспортной торговле.

Наконец в условиях мирового экономического кризиса произошло сокращение покупательной способности не только промышленных стран, но и стран аграрных; при том же объеме их экспорта ценность его в денежном выражении падает, следовательно сокращается, притом в более значительной степени, и покупательная способность в отношении импортных товаров, так как суммы, следуемые с аграрных стран, в большинстве являющихся странами импорта капитала, из-за падения цен и мирового кризиса не уменьшаются.

Таким образом в условиях падения цен и кризиса экспорт товаров из стран-экспортеров капитала (Великобритании) и импорт стран-импортеров капитала (например Австралии, Индии) имеют тенденцию к абсолютному снижению; эта тенденция находит свое выражение в стремлении стран-импортеров капитала сократить свой импорт не только в целях защиты собственной растущей молодой промышленности, но и в целях обеспечения активного сальдо платежного баланса. Отсюда дополнительный стимул усиления протекционистских тарифов, распространяемых на большинство аграрных и аграрно-промышленных стран, в том числе и на британские доминионы.

Таковы основные моменты, позволяющие утверждать, что Великобритания с каждым годом все более и более нуждается в доминионах как рынках сбыта. Одновременно растет и значение доминионов как рынков приложения капиталов и как возможного рынка приложения излишней рабочей силы.

По исчислениям английского исследователя Киндерслея доля британских владений в общей сумме английских инвестиций за границей составляла к 1927 г. 63% по сравнению с 46,9% перед войной (по исчислению Пэйша).

Доля Британской империи в английских эмиссиях иностранных и колониальных ценных бумаг составляла в среднем 42% в 1911—1913 гг.; в 1922—1924 гг. доля Британской империи увеличивается до 60%, а в 1926/27 г. — до 65%. Отступая перед имериканским капиталом вообще, Великобритания стремится сохранить за собой влияние в империи и укрепляет его новыми эмиссиями. В английской печати недавно был опубликован промадный список британских фирм, перенесших свою деятельность из метрополии в доминионы, где они могут работать под защитой таможенного тарифа, вместо того, чтобы, оставаясь в метрополии, не иметь возможности экспортировать свои изделия в тот или иной из британских доминионов, отгородившихся от внешнего мира, в том числе и от Великобритании, стеной таможенных пошлин.

Этой эмиграции капитала должна была бы сопутствовать, по идее руководителей английской экономической политики, эмиграция рабочей силы. В этом отношении намечаются однако гораздо более серьезные затруднения, чем в отношении эмиграции капитала. Одним из глубоких противоречий третьего периода в развитии британского империализма является именно то, что экспорту капиталов не сопутствует ни эмиграция труда в прежнем объеме, ни экспорт товаров в таких размерах, которые были бы достаточны для английской промышленности.

Число безработных в Великобритании накануне мировой войны различными исследователями определялось в 300—400 тысяч человек. При таком количестве безработных общее число эмигрантов из Соединенного королевства составляло в 1913 г. 469.600 чел., из которых в Соед. Штаты эмигрировало 129 тыс. и в страны Британской империи — 321.500 человек. В настоящее время число безработных в Англии превышает два миллиона, и в течение последних десяти лет — по данным официальной статистики о числе зарегистрированных по закону о страховании от безработицы — редко опускалось ниже одного миллиона. Между тем общее число эмигрантов из Великобритании колебалось в 1925—1928 гг. в пределах от 136 до 166 тыс. человек, из которых в страны Британской империи переселилось от 105 до 132 тыс. Особенно значительно упало число эмигрантов в крупнейшие доминионы — Канаду и Австралию, бывшие до войны основными районами британской эмиграции.

Установление квот и ограничение эмиграции в САСШ естественно заставляет Англию обращаться к доминионам в поисках приложения излишней рабочей силы. Однако тот тип эмигрантов, которым располагает Великобритания, отнюдь не подходит для британских доминионов. Из Англии стремятся уехать безработные промышленные рабочие и углекопы, «неудачники шахты и станка», которые, не находя работы у себя дома, рассчитывают начать новую жизнь в Австралии или в Канаде. Между тем и в Австралии и в Канаде господствует ныне безработица, которая заставляет руководителей экономических судеб доминионов серьезно подумать о внутренней миграции собственного избыточного «промышленного перенаселения» и об установлении квот по американскому примеру. Австралия, по выражению бывшего австралийского премьера Брюса, готова приветствовать переселение из Англии «молодых людей с двумя тысячами фунтов стерлингов капитала, готовых разводить апельсиновые и лимонные рощи». Такие молодые люди могут еще найти применение своим силам в Великобритании; они получают университетское образование и, не обладая «пионерским духом» прошлого века, не склонны разводить апельсиновые рощи в глубине Австралии, а скорее соглашаются «претерпеть» печальную судьбу родины. Канада в лице канадского верховного комиссара требует «сельскохозяйственных рабочих и домашних хозяек». Ни тех ни других Великобритания не в состоянии дать; сельскохозяйственные рабочие уходят в армию, флот и полицию метро-

люди, да и вообще их не так много, чтобы из них можно было формировать основные кадры эмигрантов. Что касается домашних хозяек, то жены и дочери английских промышленных рабочих стремятся на завод; в домашнем быту они привыкли пользоваться услугами «коммунальных удобств» больших городов, готовой пиццей дешевых столовых, химическими «эрзацами» всякого рода и стандартными массовыми промышленными изделиями. В сельской Канаде их ждет возвращение к условиям сельской Англии начала XIX в., которое их мало соблазняет и к которому они непригодны.

Обратимся теперь ко второму из 3 отмеченных нами положений, способствующих разложению Британской империи.

Мы указали, что доминионы с каждым годом все менее нуждаются в метрополии. Действительно, с точки зрения снабжения доминионов промышленными изделиями Великобритания все более становится их конкурентом, нежели естественным дополнением их экономического целого. Однако и по сие время для доминионов огромное значение имеет Великобритания как рынок.

Тем не менее доля Великобритании в торговле доминионов и остальных частей империи из года в год уменьшается. Это видно из нижеследующей таблицы, позаимствованной нами из цитированного выше отчета имперского экономического комитета.

Торговля британских владений (без Англии) в процентах к общему итогу

	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1. Импорт				
Из Великобритании	44,2	38,0	36,0	36,1
„ других частей империи	11,5	13,5	13,2	13,1
„ иностранных государств	44,3	47,5	50,8	50,8
2. Экспорт				
В Великобританию	41,2	38,5	37,7	36,8
„ другие части империи	10,6	9,6	10,6	10,7
„ иностранные государства	48,2	51,9	51,7	52,5

Таким образом на долю Великобритании приходится в настоящее время лишь немногим более одной трети всего экспорта и импорта стран, входящих в состав Британской империи, по сравнению с более чем двумя пятыми до мировой войны.

Справедливо без сомнения, что Великобритания представляет собою единственный обширный открытый рынок, не огражденный таможенными пошлинами. Однако это преимущество для доминионов является преимуществом и их европейских, азиатских и американских конкурентов. Фритреверская система торговой политики Великобритании не позволяет доминионам увеличить свои продажи в Великобритании за счет конкурентов, не входящих в состав империи, и поэтому нахождение их в составе империи, чтобы сохранить свои позиции на английском рынке, для них не является абсолютно необходимым. Мы увидим далее, что именно это соображение выдвигается в качестве основного аргумента современными неопротекционистами в Великобритании.

Кроме того, продовольствие и сырье доминионов является в меньшей степени жертвой сверхпротекционизма чем промышленные изделия. Поэтому доминионы меньше заинтересованы в рынках, чем в ценах; между тем Великобритания, готовая идти навстречу доминионам в отношении обеспечения английского рынка (см. ниже), совершенно расходится с ними в вопросе о повышении цен на колониальное продовольствие и сырье, что может нанести ущерб Великобритании и как потребителю и как кредитору.

В каждом отдельном доминионе доля Великобритании в импорте и экспорте падает, тогда как увеличивается доля крупнейшего антагониста Великобритании — Соединенных Штатов. Ледвелл Денни в своей известной ра-

боте «Америка завоевывает Британию» приводит следующие цифры о доле Великобритании и Соединенных Штатов в торговле доминионов в 1913 и 1927 гг.

По импорту доминионов. В Канаде доля Великобритании уменьшилась с 21,3 до 16,8%, доля САСШ увеличилась с 64,0 до 64,9%; в Австралии доля Англии уменьшилась с 51,8% до 43,4%, тогда как доля САСШ поднялась с 13,7 до 24,6%; в Новой Зеландии доля Англии упала с 59,7 до 47,9%, а доля САСШ возросла с 9,5 до 18,0%; в Южно-африканском Союзе доля Англии уменьшилась с 51,8 до 43,4%, тогда как доля САСШ поднялась наконец в импорте Индии доля Англии снизилась с 64,2 до 47,8%, тогда как доля САСШ возросла с 2,6 до 7,9%.

По экспорту доминионов. В Канаде доля Англии уменьшилась с 49,9 до 33,4%, тогда как доля САСШ поднялась с 37,9 до 38,9%; а Австралии доля Англии упала с 45,2% до 42,0%, а доля САСШ поднялась с 3,5 до 8,8%; в Новой Зеландии доля Англии понизилась с 80,1 до 76,0%, а доля САСШ возросла с 4,0 до 5,5%; в Южной Африке доля Англии сократилась с 91,9 до 65,2, а доля САСШ увеличилась с 0,8 до 2,2%; в Индии доля Англии в экспорте упала с 23,5 до 21,0%, а доля САСШ увеличилась с 8,9 до 11,2%.

В приведенных цифрах замечательна единая общая тенденция, так как в абсолютных цифрах Англия все еще значительно превышает обороты САСШ с доминионами.

Важно однако, что для британских доминионов появился новый центр притяжения — САСШ. И в культурном отношении САСШ ближе к основным британским доминионам, например Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Ирландии. Американцы Канады мало чем отличаются от американцев САСШ; промышленное развитие Австралии, малозаселенного еще континента, наминает развитие САСШ; ирландские националисты охотнее обращаются к САСШ (где живет большее число ирландцев, чем в самой Ирландии) в надежде на материальную и культурную поддержку, чем к Великобритании, их недавнему врагу и старинному угнетателю ирландского народа.

Если на долю британского капитала и приходится большая часть инвестиций в пределах империи, то в отдельных доминионах, например в Канаде, американский капитал преобладает. Следует также указать, что тип инвестиций английского и американского капитала в доминионах различен. Тогда как прежние инвестиции Великобритании вложены преимущественно в государственные, муниципальные и железнодорожные займы, американский капитал помещен главным образом в промышленность. Поэтому молодая промышленная буржуазия доминионов привыкает обращаться к помощи американского капитала, метрополия же все более играет роль докучливого кредитора, который готов предоставить новые средства лишь за счет погашения старых долгов.

В пределах Британской империи происходит сращивание отдельных ее частей с чужеродным телом — Соединенными Штатами. Этот процесс становится настолько заметным, что им аргументируют не только в специальных работах и в экономической печати; даже Бернард Шоу обратил внимание на новое положение САСШ по отношению к Британской империи, дав в своей новой пьесе «Apple Cart» сцену, в которой посол САСШ обращается к английскому правительству с предложением принять САСШ вновь в состав Британской империи, с тем, что столица империи переносится по ту сторону Атлантического океана.

Доминионы перестают опасаться агрессии со стороны САСШ, потому что она им не страшна; Германия не играет прежней роли в мировой политике, и Англии не приходится защищать доминионы от нападения этой прежней могущественной соперницы Англии. Что касается Японии, то в отношении последней именно САСШ, а не Англия, проводят наиболее последо-

вательную политику ограничения ее экспансии в Тихом океане. Не сингапурская база, а Филиппины являются истинным форпостом защиты Австралии против японского империализма; ведь именно САСШ — при содействии доминионов — заставили Англию отказаться от англо-японского союза на Вашингтонской конференции 1922 г. И так, и с точки зрения военной защиты доминионы ощущают меньшую нужду в метрополии, чем когда бы то ни было прежде.

Рассмотрим далее последнее из намеченных нами положений, ослабляющих внутримперские связи. Мы утверждаем, что принадлежность к Британской империи в момент кризиса может стать для отдельных доминионов не статьей их политического актива, а статьей пассива вследствие того, что с каждым годом число слабых и уязвимых пунктов империи растет.

Прежде всего, доминионы отнюдь не заинтересованы в том, чтобы нести тяжелое бремя расходов на военную защиту колониальной империи. Молодая буржуазия доминионов еще не в состоянии освоить те немногие колониальные области, которые были получены доминионами после мировой войны — германская ю.-з. Африка у Южно-африканского союза, Новая Гвинея и архипелаг Бисмарка у Австралии и о-ва Самоа у Новой Зеландии. Затрата денежных средств ради поддержания британского владычества в Индии отнюдь не улыбается например Южно-африканскому союзу, тем менее намерено южно-африканское националистическое правительство подчинять свою политику в вопросе о цветной рабочей силе требованиям единства Британской империи и предоставить индусам-иммигрантам равные права с местным белым населением. Канада слабо заинтересована в том, останется ли Египет под фактическим протекторатом Великобритании или нет, и канадская буржуазия не желает более приносить на алтарь имперского отечества материальные жертвы.

Далее доминионы были довольно единодушны в своем осуждении турецкой политики Ллойд-Джорджа; в 1922 г. доминионы отказали Англии в поддержке против Турции. Ни Канада, ни Австралия, ни Южно-африканский союз не являются гарантами Локарнского пакта. Всем доминионам глубоко безразлична политика интервенции, которую английское консервативное правительство проводило в отношении СССР; порвав с СССР, канадское правительство подчеркивало самостоятельность этого политического шага. С другой стороны, с целью подчеркнуть свою самостоятельность в вопросах внешней политики Англии в Европе, Ирландское свободное государство и Южно-африканский союз оговорили в специальных нотах, что временное торговое соглашение от 16 апреля 1930 г., заключенное между Англией и СССР, на них не распространяется.

Наконец, в случае войны между Великобританией и третьим государством интересы британских доминионов могут, предположительно, оказаться весьма далеки от интересов метрополии. В лучшем случае, если война будет происходить в Европе, отношение доминионов будет безразличным; если антогонистом Англии в войне окажутся САСШ, то распад империи весьма вероятен, и некоторые британские доминионы объявят себя независимыми или присоединятся к САСШ.

В этих условиях требование южно-африканского премьера Герцога относительно права свободного выхода из состава империи, которое будет обсуждаться на имперской конференции, приобретает знаменательный политический смысл. Доминионы будут продолжать участвовать в ассоциации, называемой Британской империей, до тех пор, пока им это выгодно; факты показывают, что выгоды, извлекаемые доминионами из пребывания в империи, постепенно уменьшаются.

III

Реальные политики в Великобритании понимают, что доминионы на предстоящей имперской конференции потребуют совершенно конкретных уступок со стороны Великобритании, если последняя намеревается просить о том, чтобы ей были предоставлены какие бы то ни было преимущества на имперских рынках. Консервативные политики, еще недавно выступавшие под лозунгом «безопасность прежде всего», готовы теперь пуститься в опасное плавание под флагом, выброшенным политическими авантюристами — газетными магнатами лордами Ротермиром и Бивербруком. Когда, в начале текущего года, Ротермир и Бивербрук сделали попытку создать новую «имперскую партию», серьезные органы печати, вроде «Экономиста», отнеслись к этим попыткам иронически. Прошло каких-нибудь семь-восемь месяцев, затея с созданием особой «имперской партии» провалилась, но схема лорда Бивербрука и поныне стоит в центре политической дискуссии, обсуждается со всею серьезностью и нехотя воспринята руководством консервативной партии. Наконец, в порядок дня имперской конференции будут поставлены те же вопросы новым канадским премьером Беннеттом и южно-африканским премьером Герцогом.

Схема лорда Бивербрука, озаглавленная им «имперская свободная торговля», до известной степени напоминает идею имперского таможенного союза, выдвигавшуюся Джозефом Чемберленом около 30 лет тому назад. Как и Чемберлен, Бивербрук требует установления в Великобритании таможенных пошлин на иностранные товары, производимые в империи, т. е. в первую очередь на сырье и продовольствие, с тем, чтобы ввоз имперских товаров тех же категорий оставить свободным. Таким образом, полагает Бивербрук, удастся обеспечить для британских доминионов английский рынок и заинтересовать их в поддержании британской империи. В обмен на существенные преимущества, которые, таким образом, доминионы получают на английском рынке, мы потребуем от доминионов, заявляет Бивербрук, широкого распространения системы таможенных преференций на английские товары с тем, чтобы, не нарушая интересов местной промышленности, английские товары заменили бы собою по возможности все иностранные товары, ввозимые в доминионы.

Как мы видим, английские империалисты новой формации кое-чему научились по сравнению с Джозефом Чемберленом. Они поняли, что доминионы не пожелают превращаться в аграрное дополнение к промышленной Англии, особенно теперь, когда промышленное развитие доминионов значительно продвинулось вперед. Однако новая схема предусматривает «гармоничное развитие в доминионах и метрополии тех отраслей промышленности, для которых в данном доминионе или метрополии существует наиболее благоприятные естественные условия». Такая гармония в отношении между доминионами и метрополией является, конечно, чистойшей утопией, поскольку закон неравномерного развития капитализма не позволяет наладить в капиталистическом обществе подлинного географического разделения труда не только в пределах группы стран, какою является Британская империя, но даже в пределах одного сколько-нибудь обширного государственного целого (например Германия или Соединенные Штаты).

Доминионы намерены продолжать развивать у себя дома те отрасли промышленности, в которых применение капитала наиболее выгодно, в которых, иными словами, норма прибыли выше, вне зависимости от того, насколько это выгодно их английским конкурентам. Мечты об «организованном британском капитализме» так же мало обоснованы, как когда-то схема Чемберлена.

Это не значит однако, что схема Бивербрука полностью обречена на неудачу. Скажем, во-первых, несколько слов о том, в какой мере возможно ее частичное принятие в самой Великобритании, а затем обратимся к тому, каково отношение в схеме Бивербрука основных доминионов.

В условиях сурового экономического кризиса, пришедшего после затяжной промышленной депрессии, руководители английской экономической политики готовы изменить своим вековым традициям и заменить старое боевое оружие фритреда новым оружием имперского протекционизма. Наиболее показательным примером этой готовности изменить фритредерским лозунгам следует считать меморандум банкиров, в котором крупнейшие руководители английских банков выражают свое авторитетное мнение о том, что Англия должна стремиться к немедленному использованию имперских рынков путем взаимных торговых соглашений между доминионами и метрополией. Условием заключения таких внутриимперских соглашений должна являться готовность английского правительства установить пошлины на товары, импортируемые из иностранных государств, при сохранении свободной торговли со странами Британской империи.

Расплачиваться за изменение фритредерской политики пришлось бы английскому рабочему классу в форме снижения реальной заработной платы за счет повышения цен на продовольствие и сырье. Неопротекционисты пытаются парировать этот аргумент тем, что указывают, будто английские безработные получают работу по производству товаров для имперских рынков.

Лейбористская партия пытается сделать так, чтобы волки были сыты и овцы целы, т. е. чтобы доминионам были предоставлены фактические преимущества на английском рынке, но вместе с тем чтобы можно было избежать повышения цен. Лейбористы в лице Моси, Уайза и др., рекомендуют, во-первых, заключение соглашений о континентах по ввозу и вывозу с отдельными доминионами и, во-вторых, создание в Англии государственных монопольных импортных объединений по ввозу основных видов сырья и продовольствия; эти монопольные объединения, при прочих равных условиях, будут фаворизировать имперские продукты.

Оба эти предложения предположено поставить в порядок дня предстоящей имперской конференции. Следует указать, что в доминионах некому подобные соглашения заключать, так как покупатели в доминионах не организованы настолько, чтобы противопоставить английским монопольным объединениям по массовым товарам закупочные организации по весьма дробной номенклатуре своего импорта из Великобритании. Схема Бивербрука обладает над этой схемой лейбористов тем существенным преимуществом, что по схеме Бивербрука предполагаемые уступки доминионов совершенно конкретны и заключаются в распространении существующей системы преференциальных тарифных скидок. Наконец, как мы уже указывали выше, доминионы как экспортеры сырья и продовольствия в большей степени заинтересованы в ценах, чем рынках, а именно в первом вопросе создание монопольных государственных объединений может явиться скорее фактом отрицательным, чем положительным.

Мы можем в известных пределах предугадать, поэтому, как отнесутся доминионы к этому новому предложению. Остановимся на примере Канады. Когда лейбористское правительство пришло к власти, оно отправило в Канаду со специальной миссией министра по делам безработицы Томаса. Томас заявил канадским империалистам, с большой помпой встретившим посланца британского реформизма: «Я не сомневаюсь в вашем патриотизме, но я хотел бы знать, почему при всем вашем патриотизме вы на каждый фунт стерлингов товаров, приобретаемых в Англии, покупаете на четыре фунта стерлингов американских товаров». Вопрос Томаса остался без отве-

та, канадцы забыли разъяснить Томасу, что «бизнес» не управляется чувствами, а скорее чувства возникают под влиянием «бизнеса». Быть может забывчивость канадцев руководило чувство вежливости, предписывавшее хозяевам не обижать гостя. Однако предложения Томаса о заключении соглашений по континентам ввоза и вывоза большого сочувствия в Канаде не встретили, и хотя вначале еще могло казаться, что Томас кое-что успел в Канаде, за истекший год выяснилось, что полученные Томасом обещания дать английской промышленности заказы не выходили из рамок обычного канадского импорта из Великобритании.

Английским лейбористам помогло событие чисто отрицательного порядка. Американский таможенный тариф, принятый в 1929/30 г. наносил такой значительный ущерб интересам Канады, что либеральное правительство Кинга выработало ответный таможенный тариф против САСШ, обеспечив в этом тарифе ряд существенных преимуществ для Великобритании. Эти преимущества ставили своей задачей борьбу против американского таможенного тарифа, но на выборах текущего года именно они вызвали жестокие нападки со стороны канадских консерваторов, выступивших с лозунгом «Канада на первом плане». Консерваторы победили на выборах, и новый канадский премьер Беннетт едет на имперскую конференцию с мандатом требовать от Великобритании ответных преимуществ на английском рынке; в противном случае система преимуществ, предусмотренных либеральным канадским тарифом 1930 г., отпадет сама собою.

Точка зрения правительства Южно-африканского союза была ясно выражена в торговом договоре, заключенном Южной Африкой с Германией в 1928 г. и ратифицированном правительством Южной Африки, несмотря на явное противодействие метрополии. Этот договор предусматривает распространение на Германию всех тех преференциальных скидок, которые могут быть в будущем предоставлены всем странам, в том числе и странам Британской империи (метрополии, другим доминионам и колониям). На Германию не распространяются лишь те преференциальные скидки, которые были предоставлены Англии и другим британским владениям к моменту заключения торгового договора. Иными словами, южно-африканское правительство сознательно закрывало возможность дальнейшего развития преференциальной системы.

Как же согласовать этот договор с официальным заявлением премьер-герцога о том, что он готов рассматривать на имперской конференции английские предложения, клонящиеся к взаимным уступкам и взаимным преференциям? Подчеркивая принципы взаимности, Герцог хотел лишь сказать, что правительство Южно-африканского союза готово перейти в отношении Великобритании и других стран к системе условного наибольшего благоприятствования и конвенционного тарифа, в остальном сохраняя полную самостоятельность.

Австралия и Новая Зеландия по всей вероятности будут несколько сговорчивее: австралийское правительство должно будет учесть необходимость уступок в нынешнем стесненном финансовом положении Австралии, а также то что новый австралийский таможенный тариф является сверх-протекционистским и действительно направлен главным образом против Великобритании. Сговорчивость Новой Зеландии объясняется тем, что она в большей степени, чем другие доминионы, зависит от английского рынка в отношении своего экспорта.

Во всяком случае на почве предложений лейбористского правительства и вокруг схемы Бивербрука на ближайшей имперской конференции разгорится борьба.

IV

В последнее время в Англии в связи с агитацией в пользу имперского таможенного союза появилась обширная литература по вопросам хозяйственной жизни империи. Большинство авторов сетует на недостаточность статистических данных, недостаточность информации, отсутствие имперских учреждений, которые регулярно изо дня в день занимались бы экономической Британской империи. Авторам многочисленных книг и брошюр вторят организации (ассоциация торговых палат, палат судоходства, Федерация британской промышленности и т. п. организации капитала). В этих проектах выдвигается требование об учреждении постоянного имперского экономического секретариата. Вопрос об этом также будет поставлен в порядок дня ближайшей имперской конференции.

Зачем однако понадобился новый имперский экономический секретариат, когда уже существуют многочисленные имперские учреждения, в общем не плохо справляющиеся со своей работой? Почему английские экономисты, молчаливо мирящиеся в отсутствие в Англии статистики промышленной продукции, требуют большего, чем им в настоящее время дают отчеты и доклады имперского экономического комитета, имперского рыночного бюро, имперского комитета судоходства, имперского института и т. д. и т. п.? Что нового внесет учреждение имперского экономического секретариата?

Требуя создания нового имперского органа, многочисленные консервативные, либеральные и «рабочие» авторы выполняют определенный политический заказ. Новый орган должен быть исполнительным, а не только исследовательским и издательским учреждением, подобно существующему имперскому экономическому комитету. Через имперский экономический секретариат английское правительство могло бы осуществить давление на правительства доминионов, которые в этом секретариате будут представлены.

Надо полагать, что от создания подобного исполнительного органа доминионы категорически откажутся, и вновь будет создано «научно-исследовательское» учреждение, которое даст ученым в руки прекрасные материалы по хозяйственной жизни империи, но с места не сдвинет отношения между доминионами и метрополией. Имперский экономический секретариат в такой же малой мере изменит положение дел внутри Британской империи, в какой существование экономического секретариата Лиги Наций меняет реальную экономическую политику капиталистической Европы. Оба эти учреждения могут явиться удобной формой для действия тех сил, которые существуют вне и помимо их.

Британская имперская конференция 1930 г. будет открыта с большой помпой, в торжественных речах ее участников будет сквозить горячий патриотизм и сентиментальная привязанность к королевской семье, которая только недавно обогатилась новой наследной принцессой, но когда рассеется навешанный этой торжественностью туман, перед нами откроются лица малых империалистических хищников, вышедших из повиновения старому британскому льву.